

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ США В КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ

Корейская война – одна из наиболее трагичных страниц в истории Азии; это касается как реалий самой войны, так и ее результатов. Результаты мы все прекрасно знаем: вот уже более полувека граница разделяет Корейский полуостров, не давая людям возможности общения (не будем забывать об огромном количестве «разделенных семей»), не давая возможности нормального экономического сотрудничества на полуострове. Уже стало традицией обвинять во всем КНДР, которая, действительно, имеет непосредственное отношение к отсутствию сотрудничества на полуострове, рассчитывая на «собственные силы» согласно идее Чучхе и таким образом уходя в более глубокую изоляцию. Однако, предосудительным представляется, прежде всего, то, как Северная Корея относится к нормам международного сообщества (а попросту, игнорирует их, часто используя элементарный шантаж как средство достижения внешнеполитических целей). Но само разделение Азии на зоны влияния, которое и вызвало глубокий раздел между двумя корейскими государствами – это все-таки результат «больших политических игр». В данной работе хотелось бы обратиться к этической стороне участия великих держав в послевоенном урегулировании региональной ситуации.

Теоретической основой для данной работы послужила книга Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны»¹. *Теория справедливой войны*, к которой обращается Уолцер, дает основу для обсуждения правомерности как предпринимаемых во время войны действий (право ведения войны, *jus in bello*), так и правомерности начала военных действий (право объявления войны, *jus ad bellum*). Наиболее интересным аспектом для данной работы является вовлечения войск США в корейскую войну, и таким образом, центральным для нас будет *jus ad bellum*. Помимо исследования решения США непосредственно участвовать в развитии ситуации на Корейском полуострове, представляется также интересным вопрос о том, дает ли теория справедливой войны адекватный базис для исследования спорных вопросов в принципе, либо же является лишь коллекцией идеалистических норм, не имеющих отношения к реальной политике. Таким образом, у нас будет две задачи: первое – определить область применения теории справедливой войны, и второе – непосредственно выделить этические аспекты участия США в Корейской войне².

Теория справедливой войны и реалистическая этика

Теория справедливой войны – это этическая доктрина, предписывающая правила ведения войны. Истоки доктрины уходят в средневековое Евро-

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations. New York, 2006.

² Метод, использованный в ходе подготовки данной работы – case study, или метод кейсов, который заключается в применении / проверке теоретических выводов на примере конкретного исторического события. Метод подразумевает наличие теоретического очерка с выделением основных переменных (variables) – то есть факторов, которые влияют на результат. Такие переменные будут общими для нескольких схожих ситуаций, но их отличия повлияют на разный исход таких ситуаций. Подробнее информацию о методе см. в: Sprinz, Delfef F., and Yael Wolinsky-Nahmias. Models, Numbers and Cases: Methods of Studying International Relations. Michigan, 2004.

пейское право ведения войны. В XIX и большей части XX в. к теории справедливой войны в основном обращались теологи и теоретики права. Интерес, проявляемый в последнее время к теории [в Соединенных Штатах], был вызван замкнутостью и ограниченностью процесса принятия решений в период войны во Вьетнаме, а так же представлениями общества и научных кругов и принципах использования военной силы, которые никак не учитывались в процессе принятия политических решений³. Книга «Справедливые и несправедливые войны» вышла в свет в 1977 г., и автор сам в предисловии отмечает, что к написанию работы его подтолкнули решения, принимаемые в ходе войны во Вьетнаме⁴. В 2002 г. Улцер, обращаясь ко времени написания «Справедливых и несправедливых войн», отмечал, что Вьетнам принципиально поменял представления о связи исхода военных действий и национального интереса, однако это новое понимание было «зарегистрировано на теоретическом уровне» лишь по прошествии некоторого времени. Изначально, изменения произошли на практическом уровне⁵. Таким образом, отмечается, что теория справедливой войны – не теоретическое изобретение философов, а результат реального изменения восприятия этических норм людьми, напрямую связанными с принятием политических решений.

Jus ad bellum традиционно включает в себя следующие компоненты⁶:

- справедливая причина (агрессия);
- авторитет (решение может приниматься *исключительно правительством государства*);
- справедливые намерения (целью может быть изменение строго определенных условий, либо остановка агрессора);
- ограниченные цели (тесно связано с предыдущим пунктом; необходимо *остановиться* при достижении установленных целей);
- последнее средство (все остальные возможности не сработали, либо их невозможно применить);
- вероятность успеха (недостаточно иметь только справедливые намерения).

Улцер использовать средневековую традицию и попытался переработать ее так, чтобы принципы были применимы в современном мире – могли оказать влияние на способы ведения войны и сделали возможной оценку военных действий с этических позиций. Центральной для его теории становится *легалистическая парадигма* (legalist paradigm), принятая как один из принципов внешней политики США и подразумевающая центральную роль государства как основного актора международных отношений. Государство обладает

³ Butler M. U.S. Military Intervention in Crisis, 1945-1994. An Empirical Inquiry of Just War Theory. In: Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47, No. 2 – URL: <http://www.jstor.org/stable/3176168>

⁴ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 19.

⁵ Walzer M. The Triumph of Just War Theory (And The Dangers of Success). In: Walzer M. Arguing About War. New Haven and London. 2004. P. 6.

⁶ Amstutz M. International Ethics: Concepts, Theories and Cases in Global Politics. 2nd ed. New York. 2005. P. 111.

правами территориальной целостности и политической независимости. В случае, когда применение силы или угроза применения силы угрожает этим базовым правам государства, это может быть расценено как акт агрессии и соответствующие меры (самооборона со стороны государства-жертвы агрессии, либо война по восстановлению юридической справедливости / война-наказание со стороны других членов международного сообщества) будут оправданы. Концепции были доработаны Уолцером – были включены такие важные моменты, как право превентивной войны и упреждающего удара. Таким образом, утверждение об акте агрессии как единственном обосновании начала военных действий было пересмотрено.

Возникает вопрос: действительно ли все эти критерии, прописанные в теории справедливой войны и, в частности, в *jus ad bellum*, имеют влияние на ведение военных действий? Можно утверждать, что принципы права объявления войны действительно присутствуют в объяснениях введения войск США в разные точки во время Холодной Войны, и формальное верховенство принципа справедливой причины можно статистически подтвердить⁷. Критерии *jus ad bellum* присутствуют и в официальных речах и заявлениях политических лидеров – и Буш ст. говорил «совсем как теоретик справедливой войны»⁸, обсуждая моменты военных действий в Персидском заливе в 1991 – при этом бомбардировки далеко не отвечали критериям.

«Со времен Второй Мировой войны США приняли легалистическую парадигму как основу противодействия агрессии; именно это стало центральным важным моментом в понимании внешнеполитических целей Америки. Три самых крупных войны, в которых США участвовали после окончания Второй Мировой – Корея, Вьетнам и Персидский Залив – все три были обоснованы положениями этой нормы.[...] Это предполагает определенную иронию – в то время как написание «Справедливых и несправедливых войн» было спровоцировано протестами против войны во Вьетнаме, американская интервенция во Вьетнам была спровоцирована – ну или по крайней мере обоснована – положениями той самой легалистической парадигмы, которую защищает Уолцер»⁹.

Эта цитата свидетельствует о том, что положения теории справедливой войны могут быть просто использованы в политических интересах.

Уолцер начинает свою книгу главой «Против Реализма». В этой связи интересно обратиться к аргументам Дэвида Хендриксона¹⁰: во-первых, сам Уолцер не так далек от реалистов (он видит систему международных отношений как совокупность отношений между политическими сообществами-государствами – т.о. центральным актором является государство); во-вторых, для большинства реалистов вполне нормально использовать этические принципы в оценке как войн, так и международных отношений в целом. Действительно, Реализм как парадигма теории международных отношений включает в

⁷ Butler M. U.S. Military Intervention in Crisis, 1945-1994. P. 227, 245.

⁸ Walzer M. Arguing About War. P. 10.

⁹ Hendrickson D. In Defense of Realism: A Commentary on Just and Unjust Wars. In: Ethics & International Affairs. Vol. 11, 1997. P. 34.

¹⁰ Hendrickson D. In Defense of Realism: A Commentary on Just and Unjust Wars. In: Ethics & International Affairs. Vol. 11, 1997. Pp. 19-53. Hendrickson D. The Ethics of Collective Security. In: Rosenthal, Joel (ed.). Ethics and International Affairs: A Reader. Washington, 1999. P. 221-241.

себя гораздо более широкий спектр особенностей, нежели обрисовано Уолцером. Классический пример: Ганс Моргентау указывает на необходимость принятия решений этического плана во внешней политике.

«Быть успешным – то есть действовать согласно правилам политического искусства – это политическая мудрость. В отчаянии понимать, что понесешь неизбежное зло, и, несмотря на это, действовать – это сила духа. Выбирать меньшее из зол – это этический выбор. Сочетая политическую мудрость, силу духа и этический выбор, человек может примирить свою политическую сущность и свое стремление к справедливости»¹¹.

Таким образом, подчеркивается важная роль этического выбора в международных отношениях – этические соображения не чужды реалистам. Более того, представляется возможным выстроить своеобразные мостики между моралью и внешней политикой и, добавив несколько дополнительных пунктов в теорию справедливой войны, получить возможность более реалистической оценки этических аспектов военных действий. Ценным здесь представляется исследование Майкла Уэсли «Реалистическая этика интервенции»¹², ключевыми моментами которой являются:

- Учет мотивации, или основных побуждающих факторов, к принятию того или иного политического решения;
- Легитимность принятого решения;
- Соответствие принятого решения нормам международного порядка.

При этом интересным также представляется включение таких аспектов как ответственность отдельных политиков, общественное мнение, репутация государства на международной арене – все эти факторы могут повлиять на принимаемые внешнеполитические решения и, как представляется, имеют отношение в этической составляющей политики. Общественное мнение, например, может повлиять на мотивационную основу, тогда как репутация на международной арене (прятие или неприятие международным сообществом) – на легитимность решения, которая также включает нормы *jus ad bellum*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Теория справедливой войны сама по себе не дает полного объяснения тех или иных решений, так она упускает контекст. Если использовать критерии реалистической этики, то можно включить в анализ контекст, при этом сохранив обращение к нормам *jus ad bellum*. Такое слияние в принципе возможно, так как положения теории справедливой войны не так далеки от принципов реализма, так как рассматривают систему международных отношений в сопоставимых концептах.

Корейская война

Этика и политика. Как ситуация на Корейском полуострове в конце 40х-начале 50х гг. выглядит в свете этических аспектов американской внешней политики? Чтобы ответить на этот вопрос, для начала необходимо обратиться к оценке роли этики во внешней политике США в этот исторический период. Самым заметным элементом в этом аспекте политики можно назвать проекты

¹¹ Morgenthau H. Politics Among Nations. New York: Alfred A. Knopf, 1956. P. 200. Cited in: Robert McElroy. Morality and American Foreign Policy. Princeton, 1992. P. 21.

¹² Wesley M. Toward a Realist Ethics of Intervention. In: Ethics & International Affairs. Vol. 19.2, 2005. P. 55-72.

экономической помощи, прежде всего – Доктрину Трумэна. Основная идея, легшая в основу этой программы – оказать, прежде всего, финансовую (но так же и военную) помощь странам, которые «хотели бы сохранить свои свободы», то есть фактически принимали ориентацию на США с целью создать «оплот против тоталитарной агрессии»¹³. Эта риторика, несомненно, содержит этические элементы – к примеру, «спасение голодающих миллионов» и экономическое восстановление, однако причины все же носят политико-прагматический, а не этический характер.

В годы оккупации американская администрация продемонстрировала определенную степень безразличия по отношению к развитию внутривнутриполитической ситуации, позволив ультраправому правительству Ли Сын Мана управлять южнокорейским государством. Ситуация в Корее, где Ли Сын Ман продемонстрировал нежелание и полное отсутствие интереса заниматься вопросами социального и экономического развития, будучи, при этом, заинтересованным в спонсорстве со стороны США. В результате, Корея по окончании Корейской войны стала очередным диктаторским режимом. Вся этическая составляющая американской внешней политики, в том числе и в отношении Кореи, может быть суммирована следующим высказыванием: «Мы сотрудничаем со многими нациями в целях поддержания региональной стабильности и глобальной безопасности, несмотря на то, что в определенных случаях мы не поддерживаем некоторые из их внутренних практик»¹⁴.

Это высказывание принадлежит Генри Киссинджеру, который обращался к проблеме этических принципов внешней политики¹⁵. Он не только обращается к отдельным событиям, но и анализирует политический курс в целом. В его понимании, существует два основных принципа внешней политики, в которой присутствует этический элемент: на уровне международного сообщества необходимо отказаться от старой модели политики силы; на уровне внешнеполитического курса у США есть моральное обязательство показать миру «американский образ жизни» и сделать мир лучше путем убеждения других стран придерживаться такого образа жизни.

Можно поспорить с утверждением о необходимости ухода от политики силы: США видели необходимость ухода от системы мироустройства, когда европейские государства могли диктовать свои условия, базируясь на принципе силы¹⁶; при этом, возможность увеличить роль США на мировой арене (в том числе силовыми способами) представляется как вполне логичная цель политики. Второй момент, отмеченный Киссинджером, вылился в последующий «экспорт демократии и стандартов прав человека», этичность которого – вопрос очень спорный.

Таким образом, можно сделать вывод, что этический элемент внешней политики США размыт за стремлением поддержать стабильность (статус-кво) и не допустить распространения коммунистического влияния в различных частях мира, в том числе в Северо-Восточной Азии. Стратегические цели, таким

¹³ The Greek-Turkish Aid Program (The Truman Doctrine) – URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/doctrine/large/documents/index.php?documentdate=1952-00-00&documentid=5-3&pagenumber=1

¹⁴ Kissinger H. The Moral Foundations of Foreign Policy. In: Kissinger H. American Foreign Policy. 3rd ed. New York, 1977. P. 204.

¹⁵ Kissinger H. The Moral Foundations of Foreign Policy. In: Kissinger H. American Foreign Policy. 3rd ed. New York, 1977. P. 195-214.

¹⁶ Богатуров А. Системная история международных отношений. Том 2: События 1945-2003гг. М., 2007. С.81.

образом, оказываются приоритетными по отношению к задачам этического характера. В целом же политику США во время Холодной войны, и в особенности на начальном ее этапе, можно охарактеризовать скорее как *безэтичную*, нежели незтичную, так как в политике присутствовали некоторые этические принципы, однако политика в целом проходила в русле реалистической парадигмы, для которой моральные элементы не являются решающими.

Мотивация и причины. Основная идея реалистической этики заключается в том, что размышления и отдельно взятых акторов должны непременно учитываться в анализе причин, повлекших за собой принятие решения использовать силу¹⁷. Поэтому, чтобы оценить то или иное действие с этических позиций, необходимо кроме обсуждения к его легитимности в соответствии с нормами международного права обратиться так же к более широкому контексту, чтобы учесть национальный интерес, а так же общее соответствие решения нормам международного сообщества, общепринятыми в тот исторический период.

Что касается конкретных причин для ввода войск на Корейский полуостров в 1950 г., то чаще всего фигурирует «стремление защитить угнетенных» и тому подобное¹⁸. Стоит ли говорить, что поддержание благополучия корейского народа не входило в число внешнеполитических целей США (что вполне естественно). Это очевидно, например, из следующего разговора, произошедшего между Трумэном и Элси, административным помощником президента, 26 июля 1950 г.:

«Я задержался, чтобы поговорить с Президентом о значимости Кореи. [...] Президент сказал, что его больше беспокоили другие регионы. Он сказал, что дал указание Макартуру выдать корейцам боеприпасы, что военно-воздушные силы и флот прикроют эвакуацию американских вооруженных сил.[...]Прежде всего его беспокоила ситуация на Ближнем Востоке. “Корея, – сказал он, – это та же Греция, но на Дальнем Востоке. Если мы поведем себя так же решительно, как в случае Греции,[...] они не будут больше ничего предпринимать. Но если мы ничего не предпримем, они направятся в Иран и они займут весь Ближний Восток”»¹⁹.

Очевидно, что без учета контекста, не имеет смысла говорить о решении ввести войска на Корейский полуостров. В случае с событиями в удаленных регионах «национальный интерес» – это скорее общая концепция, нежели что-то, что действительно нужно защищать. Национальный интерес неоднократно упоминается, однако не дается какого бы то ни было определения этой концепции. Доклад Национального Совета Безопасности NSC 81²⁰ может здесь послужить примером. Доклад начинается с утверждения, что «для того, чтобы определить курс действий США по отношению к ситуации в Корее, необходимо основываться на перспективах продвижения национальных интересов

¹⁷ Butler M. U.S. Military Intervention in Crisis, 1945-1994. P. 245.

¹⁸ Например, именно такой подход просматривается в Обращении Президента США 26 июля 1950 г. (Statement by the President. Papers of Harry S. Truman: President's Secretary's Files. June 26, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 32.)

¹⁹ President Truman's Conversation with George M. Elsey. June 26, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 31.

²⁰ A report [NSC 81] to the National Security Council. Papers of Harry S. Truman: President's Secretary's Files. September 1, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 438-452.

США»²¹. Из документа следует, что основная цель – это следовать интересам, избегая непосредственных военных действий. При этом, «одной из основных целей внешней политики США является создание условий, при которых США и другие нации смогут сосуществовать в отсутствие принуждения»²².

Что все это значит применительно к ситуации на Корейском полуострове? Цель США на Корейском полуострове – добиться «полной независимости и объединения Кореи», при этом избегая всеобщей войны с СССР и коммунистическим Китаем²³. Судя по документам, доказательств того, что СССР и Китай пойдут на конфликт, не было (отсутствие информации²⁴ могло быть интерпретировано и как присутствие, и как отсутствие намерений в зависимости от целей того, кто интерпретировал); при этом, объединение могло быть возможным только после военного поражения северокорейских сил. Таким образом, военное вмешательство в ситуацию на Корейском полуострове соответствовало общему внешнеполитическому курсу США во второй половине 40х гг., который (за исключением прямого военного вмешательства) поддерживался общественным мнением²⁵ – внешнеполитический курс начала 50х гг. так же находил поддержку населения²⁶.

Объяснение и легитимность. Во-первых, стоит задаться вопросом, являлась ли Корейская война межгосударственным конфликтом, или гражданской войной. К войне привели две группы факторов – внутренние и внешние. Что касается внутренних факторов, то чаще всего их связывают с периодом японской оккупации 1895-1945 гг., что привело к проявлению крайнего национализма в обеих частях полуострова с уклоном вправо на юге и влево на севере. Основываясь на этом, некоторые ученые делают вывод о том, что война была гражданской²⁷. Однако без участия СССР и США, заключивших в 1945 г. договор о разделе сфер влияния на Корейском полуострове по 38 параллели, поляризация могла не развиваться. Таким образом, внешний фактор в виде участия великих держав, является очень важным.

Почему этот вопрос так важен? В случае если Корейская война – внутрисоюзный конфликт, то участие США – это акт интервенции; в случае если это межгосударственный конфликт – то США могут начать правоохранительную войну против стороны, совершившей акт агрессии. Как следствие, основываясь на ответе на вопрос о характере конфликта, можно сделать очень разные выводы о тех критериях, которых должны бы были придерживаться Соединенные Штаты и все другие участники конфликта.

²¹ Ibid. P. 438.

²² Address of the President of the United States. Papers of George M. Elsey. March 12, 1947. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 8: The Truman Doctrine and the Beginning of the Cold War, 1947-1949. University Publications of America, 1997. P. 101.

²³ A report [NSC 81] to the National Security Council. P. 439.

²⁴ «Токио: [...] Нет абсолютно никакой информации о намерениях Советского Союза» (Washington-Tokyo Conference: Korean Situation. Papers of Harry S. Truman: Naval Aide Files. June 27, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 60.)

²⁵ Analysis of American public opinion. Papers of Joseph M. Jones. Late March 1947. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 8. P. 128.

²⁶ Daily opinion summary. Papers of George M. Elsey. July 20, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 281-282.

²⁷ Cumings B. The Origins of the Korean War. Princeton, 1990.

В случае Корейской войны уместнее говорить о межгосударственном конфликте, а к действиям США на начальном этапе военных действий (первый период войны) – как к «полицейской акции»²⁸. Обратимся теперь к тем шести критериям, которые предъявляются к участникам военного конфликта.

Была ли причина ввода войск на Корейский полуостров справедливой? В 1948 г. на полуострове были провозглашены сначала Республика Корея, президентом которой стал Ли Сын Ман, а затем Корейская Народно-Демократическая Республика во главе с Ким Ир Сеном. Определенную сложность здесь представляет тот факт, что оба правительства провозгласили себя единственным легитимным правительством на всей территории Корейского полуострова и, следовательно, не признали друг друга. Однако граница была зафиксирована, и все, что находилось за 38 параллелью, для севера было американской оккупационной зоной, а для юга – соответственно советской. Чтобы считать какое-либо образование государством, необходимо два критерия – правительство и территория; правительства были установлены и заявлено о суверенитете – как Севером, так и Югом; граница так же признавалась как *существующая* как Севером, так и Югом. Таким образом, с 1948 г. можно говорить о *де факто* наличии двух государств на Корейском полуострове, хоть и имевших друг к другу претензии и юридически друг друга не признавших. Таким образом, наступление 25 июня 1950 г., КНДР нарушила международную границу и начала межгосударственный конфликт. Совет Безопасности ООН классифицировал атаку Севера как акт агрессии²⁹. Это дало право другим государствам принять участие в войне по восстановлению справедливости («полицейская акция»), что и сделали США.

Во-вторых, был ли соблюден критерий авторитета? В большинстве случаев, действия США в Корею сопровождалась официальной поддержкой со стороны Совета Безопасности ООН. Стоит отметить, однако, что решения все же изначально принимались в Белом Доме, а затем рекомендация направлялась уже в Совет Безопасности, где она утверждалась в отсутствие представителя СССР³⁰. Совет Безопасности, безусловно, выступает в роли компетентного органа для принятия такого рода решений, однако возникает два вопроса. Первое – как расценивать тот факт, что СБ просто следовал решениям национальной администрации? Второе – можно ли считать СБ авторитетным органом в случае отсутствия одного из постоянных членов? Несмотря на эти вопросы, критерий авторитета все же кажется выполненным, так администрация Соединенных Штатов является таким авторитетом³¹.

Имели ли американцы справедливые намерения, принимая решение о вводе войск в зону конфликта? Принимая во внимание, что справедливой це-

²⁸ К примеру, Трумэн в ходе одной из пресс-конференций утвердительно ответил на вопрос о том, являются ли действия США полицейской акцией, и отметил, что США не находятся в состоянии войны. Press Conference. Papers of George M. Elsey. June 29, 1950. In: Documentary history of the Truman presidency. Vol. 18. P. 114.

²⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН №82, 25 июня 1950 г. – URL:<http://daccess-ods.un.org/TMP/7644029.html>

³⁰ Far East: Invasion of Republic of Korea. Papers of George M. Elsey. June 28, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 84-87.

³¹ Amstutz M. International Ethics. P. 111.

лю можно назвать стремление исправить строго определенные условия либо остановить неприемлемые действия со стороны государства-агрессора³², мы вынуждены заключить, что эти условия выполнены не были. В октябре 1950 г. силы ООН перешли 38 параллель и продолжили движение на север практически к китайской границе, причем утверждается, что они изначально были готовы это сделать³³. Это значит, что восстановление довоенного статуса не ограничило ход военных действий в момент достижения войсками ООН 38 параллели, и критерий справедливой и ограниченной цели не были выполнены.

Так же не ясно, была ли высока вероятность успеха данной операции. В США обсуждали серьезность ситуации: «[Существует] очень серьезная нехватка ресурсов – в такой степени, что даже чтобы урегулировать Корейский инцидент, мы вынуждены серьезно ослабить оборону Соединенных Штатов»³⁴.

Американские военнослужащие были психологически не подготовлены и имели недостаточную общую подготовку к участию в конфликте; плюс ко всему, система коммуникаций была неадекватна поставленным целям. Таким образом, можно сделать вывод, что перспектива успешного участия в «корейском инциденте» была довольно мала, что вылилось в массовые расстрелы мирного населения во время обороны Пусанского периметра, когда американские военные боялись проникновения северокорейских военных на их подконтрольную территорию под видом беженцев³⁵.

Критерий последнего средства представляет сложность для самой концепции справедливой войны. Уолцер отмечает: «мы никогда не достигаем состояния *окончателности*, или, по крайней мере, мы никогда не знаем, что достигли его»³⁶. Применение этого критерия вызывает определенные сложности – всегда кажется, что были другие возможности. Если мы примем за определение последнего средства нежелание и вынужденность действовать³⁷, то кажется, что решение США ввести войска 30 июня³⁸, всего пять дней после начала боевых действий, было принято слишком поспешно и почти что с готовностью. С другой стороны, напряженность дискуссии по вопросу о вводе войск свидетельствует о сложности принимаемого решения. Чтобы ответить на вопрос о том, было ли введение войск последним средством, которое было в распоряжении у международного сообщества, чтобы предотвратить необратимые изменения на Корейском полуострове, обратимся к стенограмме телефонной конференции, прошедшей между Вашингтоном и Токио 27 июня:

Вашингтон: Какова последняя информация о военной ситуации в Корее?

Токио: [...] Северные корейцы вполне могут войти в Сеул в течение

³² Ibid.

³³ Stueck W. Rethinking the Korean War. P. 89.

³⁴ Memorandum for National Security Council. July 6, 1950. In: Documentary history of the Truman presidency. Vol. 18. P. 195.

³⁵ Kill 'Em All. American Military Conduct in the Korean War. BBC documentary. 1999.

³⁶ Walzer M. We can never reach lastness, or we can never know that we have reached it. Arguing About War. P. 88.

³⁷ Walzer M. We can never reach lastness, or we can never know that we have reached it. Arguing About War. P. 88.

³⁸ Teleconference with MacArthur 300740Z. Papers of George M. Elsey. June 30, 1950. In: Documentary history of the Truman presidency. Vol. 18. Pp. 137-138.

последующих 24 часов. [...] Южнокорейские части неспособны оказывать сопротивление организованным атакам северных корейцев. Учитывая большое количество погибших и слабое сопротивление, южные корейцы не демонстрируют адекватного сопротивления и желания бороться. [...] По нашим оценкам, возможно полное поражение ³⁹.

Данный разговор указывает на необходимость принятия неотложных мер, так как под сомнение ставится дальнейшее существование государства Республика Корея. Именно этот фактор представляется решающим в принятии Соединенными Штатами решения направить в Корею войска.

Анализ критериев *jus ad bellum* показал, что разрешение на ввод американских войск под мандатом ООН на территорию Корейского полуострова может быть частично оправданно по пунктам авторитета и изначальной справедливой причины. Непосредственность угрозы существованию южнокорейского государства и неспособность справиться с угрозой самостоятельно дали основу для ввода дополнительных вооруженных сил. Существуют определенные проблемы с соответствием действий сил ООН критериям справедливой и ограниченной цели: военные действия должны были быть прекращены по достижении 38 параллели, чего, как известно, не произошло.

Соответствие международным нормам. Соответствовало ли такое поведение нормам, принятым в международном сообществе в данный исторический период? В конце 40х гг. происходит нарастание противоречий между СССР и США, в особенности в Европе. Это вызвало рост подозрения с обеих сторон. Американцы опасались, что атака КНДР была санкционирована Сталиным, и что в определенный момент могут быть вовлечены советские вооруженные силы. Это означало бы крупномасштабную войну в Азии. Как уже отмечалось ранее, свидетельств о вовлеченности СССР не было, но был факт агрессии, так что США решили ввести войска на полуостров.

Если бы решение о вводе войск не было принято, что бы это значило для системы международных отношений? Во-первых, с начала 40х гг. XX века США проводили политику помощи ослабленным государствам (неоднократно отмечавшаяся Доктрина Трумэна), а следующим шагом после предоставления финансовой помощи и помощи в восстановлении вооруженных сил была непосредственная военная помощь в случае вооруженного конфликта. Таким образом, США к концу 40х гг. испытывали «давление сложившейся репутации». Во-вторых, США опасались распространения тенденции на весь Восточноазиатский регион, и ранее эти же соображения побудили США к активности в Греции и Турции. «Распад демократических институтов и потеря независимости будут иметь катастрофические последствия не только для них, но и для всего мира. Уныние и, возможно, деградация станут участью соседних народов, стремящихся сохранить свободу и независимость»⁴⁰. Здесь уже можно увидеть истоки «принципа домино», который завоеует умы американских политиков спустя пару десятилетий.

³⁹ Washington-Tokyo Conference: Korean Situation. Papers of Harry S. Truman: Naval Aide. Files. June 27, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 53-60.

⁴⁰ Address of the President of the United States. Papers of George M. Elsey. March 12, 1947. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 8. P. 102.

Вторым системным фактором, повлиявшим на внешнеполитический курс США, стало идеологическое убеждение в том, что именно СССР могли вдохновить и санкционировать атаку, и в случае отсутствия реакции со стороны США может последовать дальнейшее распространение коммунизма. «Атака была довольно широко интерпретирована как попытка мирового коммунизма прощупать почву в некоммунистическом регионе, которая, в случае успеха, несомненно, повлекла бы за собой дальнейшие акции в других регионах»⁴¹. «(1) Когда они посчитают, что готовы, СССР атакуют США, из-за их вновь и вновь возникающего желания править миром. (2) А пока они будут всячески пытаться насолить США, используя своих союзников»⁴².

Учитывая твердые предубеждения в американской администрации, превалировавшие после появления «Длинной телеграммы»⁴³, отмеченные выше факторы сыграли центральную роль в том, что Корейская война вылилась в идеологический конфликт, который толкнул мир к расколу, к Железному Занавесу и к Холодной Войне.

Заключение

Так отвечало ли решение этическим нормам? Если смотреть с позиций реалистической этики, то критерии, хоть и частично, но были выполнены. При этом не стоит забывать о выводе, к которому мы пришли выше – об ограниченной роли этических принципов и сути внешней политики США как безэтичной в целом.

Но, наверное, стоит смотреть шире и говорить не об этике отдельно взятого решения, а об этике *системы*, которая позволила такому решению появиться. Учитывая контекст, нельзя не отметить проблему отсутствия приверженности изначальной линии и отсутствия последовательности политики как США, так и СССР, после решения разделить Корейский полуостров на зоны влияния. Главной ошибкой представляется стремление к *объединению* стран Корейского полуострова (как в конце 1940х гг., так и на современном этапе) – это стремление не базируется на каких бы то ни было этических принципах; оно не берет во внимание существующие структурно-экономические, культурные и, наконец, на современном этапе также лингвистические различия между двумя государствами; это стремление несет в себе зерно дестабилизации и изменения статус-кво. Это стремление, однако, вытекает из норм системы.

Таким образом, конкретное решение США о введении войск на Корейский полуостров 30 июня 1950 г. мы можем, с оговорками, оправдать. Но мы никак не можем назвать саму систему, которая породила как конкретную конфликтную ситуацию, так и множество других – этической, моральной, справедливой... Система была создана великими державами, США и СССР, и в этом заключается аморальность их действий.

⁴¹ Far East: Invasion of Republic of Korea. Papers of George M. Elsey. June 28, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 85.

⁴² Memorandum for National Security Council. July 6, 1950. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 18. P. 196.

⁴³ Telegram 511 ("Long Telegram"). Papers of George M. Elsey. February 22, 1946. In: Documentary History of the Truman Presidency. Vol. 7. P. 68-91.